

Малый катехизис Феодора Студита в старорусских списках XV-XVI вв. и некоторые проблемы «второго южнославянского влияния»

Д.С.Ищенко

Более ста лет тому назад А.И.Соболевский опубликовал одну из самых известных своих работ, озаглавленную «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках» [27]. Будучи знатоком древнерусского и старорусского рукописного наследия и исходя, по-видимому, из общего впечатления от большого количества рукописей, он высказал мысль о том, что «между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию» [27:8]. Введенный А.И.Соболевским термин «второе южнославянское влияние» прочно закрепился в науке, а обозначенное им явление стало привычно связываться с указанными учёным хронологическими рамками. Понимая второе южнославянское влияние как комплексное явление культурологического характера, А.И.Соболевский усматривал его проявление прежде всего в графико-орфографических особенностях старорусских рукописей, начиная со 2-й половины XIV в.

Этот взгляд подвергла сомнению Л.П.Жуковская на основе конкретного изучения большого количества старорусских списков Пролога. Исследовательница пришла к следующему выводу: «Некоторые отголоски южнославянских навыков в правописании и графике имели место преимущественно во второй половине XV в. В XVI в. они стали уже угасать. В тот же период, какой называл А.И.Соболевский, ни о каком южнославянском влиянии на русскую письменность говорить невозможно» [8:144]. Это положение Л.П.Жуковская обосновывала в целом ряде работ [9; 10; 11].

Подчеркнём, однако, что проблему второго южнославянского влияния Л.П.Жуковская рассматривала прежде всего в лингвистическом аспекте [8:131], не касаясь его литературоведческой и искусствоведческой сторон. Полагаем, что следует разграничивать факты перенесения на Русь южнославянских рукописных книг и процессы усвоения отражённых в них графико-орфографических норм: это явления разного порядка, не вполне совпадающие хронологически. Ниже рассмотрим проблему в обоих указанных аспектах.

Культурные связи между Русью и южными славянами приобрели постоянный характер после принятия Русью христианства в конце X в. и фактически никогда не прерывались, но осуществлялись на протяжении веков то в одном, то в другом направлении. Эти процессы подробно освещены, например, в трудах М.Н.Сперанского [29] и В.А.Мошина [20]. Плодотворное общение славян между собою и с византийцами протекало в нескольких центрах, где «южные и восточные славяне обменивались друг с другом своими литературными произведениями или же переводили произведения византийской литературы... Одним из важнейших центров славянско-византийского общения и сотрудничества на протяжении всего средневековья был Афонский полуостров с его многочисленными монастырями, скитами и кельями» [7:117, 121]. Исследователи отмечают ведущую роль сербских книжников на Афоне. Так, Г.И.Вздорнов пишет: «Когда в афонских монастырях сосредоточились кадры сербских и болгарских книжников, то сербские переводчики и писцы сразу взяли инициативу в свои руки» [4:181]. Эту же мысль высказал А.-Э.Тахиаос, подчеркнув, что, хотя на Афоне было много болгарских монахов, учёные монахи были сербами [38:12-13]. Средоточием сербской книжности на Афоне был Хиландарский монастырь (о нём подробно в книге [3]), «распространявший своё влияние на кириллическую книжность всей Святой горы» [32:69].

А.И.Соболевский полагал, что русские монахи на Афоне общались не со всеми южными

славянами, а только с болгарами; «вследствие этого одна часть переводов и оригинальных сочинений, бывших у сербов Афона в XIV и начале XV веков, русским осталась совсем или почти совсем неизвестна... Русские списки, сделанные прямо с сербских оригиналов..., редки» [27:13-14]. Однако существуют прямые свидетельства о тесных связях именно в XIV в. между сербским Хиландарским и русским Пантелеймоновским монастырями [26:280]. Ещё В.Харлампович писал о благотворном влиянии сербской литературы на русскую, которое «проходило различными путями, но особенно через Афон, приобретший в XIV в. много сербского духа» [33:52]. Г.И.Вздорнов отметил, что подавляющая масса рукописных книг, направлявшихся с Афона на Русь в оригиналах и списках, была по происхождению сербской [4:181]. Важно поэтому выяснить, каково было содержание этих рукописей и куда конкретно они направлялись.

В.Ягич назвал характер древнесербской литературы того времени монашеским, или монастырским, потому что сербские монахи на Афоне «любили переводить аскетические книги, которые они всегда считали большою драгоценностью» [34:197]. Д.Богданович также подчеркнул, что переводилась ранневизантийская церковная литература, главным образом проповеди, беседы, поучения [1:131-133]. Эта аскетическая литература и посылалась в XIV-XV вв. на Русь для нужд возникавших тогда в центральной части северо-восточной Руси многочисленных общежительных монастырей [4:182-183; 27:70]. Например, известны случаи использования сербских произведений в Иосифо-Волоколамском монастыре [22:37-47]. Таков был ранний этап второго южнославянского влияния, когда между славянскими монастырями Константинополя и Афона, с одной стороны, и Москвой, Тверью и Новгородом, с другой стороны, установилась тесная связь и происходил интенсивный приток рукописных книг на Русь [4:182].

Болгарские учёные, как правило, называют второе южнославянское влияние болгарским, подчёркивая распространение на Руси языка Тырновской книжно-литературной школы [13:10] вместе с болгарскими рукописными текстами [23:61]. Однако и сами тексты, а не только их списки, могли быть не болгарскими, а сербскими.

В качестве яркого примера усвоения сербского переводного текста в Московской Руси рассмотрим поучения Малого катехизиса Феодора Студита, представленные в сербских и старорусских списках.

Этот цикл поучений авторитетнейшего византийского законодателя монастырской жизни, жившего в 759-826 гг., содержит в греческом оригинале 134 оглашения, сохранившихся во многих списках. Греческий текст Малого катехизиса (далее МК) издан Дж.Коцца-Луцци [37] и Э.Оврэм [36], что делает его вполне доступным для изучения. Поучения МК предписывалось читать на протяжении всего церковного года, они пользовались широкой известностью и, естественно, были рано переведены славянами. В библиотеке Хиландарского монастыря хранится сербская рукопись №387, относящаяся ко 2-й четверти XIII в. и содержащая перевод 104 поучений. 6 листов из этой рукописи находятся в РГБ (Москва), собрание Григоровича, №20/1700. Рукопись кратко описана Д.Богдановичем [2:152]; подробное описание и идентификация всех поучений в соответствии с греческими списками даны в нашей статье [16], где показано, что это наиболее полный древний южнославянский (очевидно, сербский) перевод МК, хотя и не протограф. А.И.Яцимирский предполагал афонское происхождение этого перевода (по сербскому Нямецкому списку [35:124], содержащему меньше поучений, чем Хиландарский, который был ему неизвестен). Р.Павлова пишет, не ссылаясь ни на какие рукописи, что болгарские книжники переводили произведения Феодора Студита [23:54-55], что в XIV в. в Болгарии переводились впервые или создавались новые переводы произведений таких византийских писателей, как Феодор Студит [23а:306], однако нам неизвестны болгарские списки его произведений, как и сербские их списки с болгарских оригиналов. К.Иванова в специальной работе о сербских хиландарских рукописях, со-

держащих списки болгарских переводных произведений, не упоминает рукопись №387 [12:154-163]. Поэтому с достаточным основанием считаем представленный в ней перевод МК сербским. Нами установлено, далее, что выборка из этого перевода, включающая 55 поучений Феодора Студита, а также несколько не принадлежащих ему, представлена в сербской рукописи из собрания Печской патриархии, №92, относящейся к 3-й четверти XIV в. и находящейся в Народной библиотеке Белграда. Рукопись описана Д.Вуксаном [5:185] и В.Мошиным [21:119-121], упомянута и в [30:365]. Нам удалось идентифицировать содержащиеся в ней поучения и определить единство перевода, представленного в Хиландарской и Печской рукописях, что не отмечалось в имеющихся описаниях. Дальнейшее исследование позволило установить, что список именно такого состава был перенесён в Московскую Русь. Об этом свидетельствуют старорусские рукописи ГИМ (Москва), собр. Чудовское, №36/238 и РГБ (Москва), собр. Иосифо-Волоколамское, №604, содержащие те же поучения, в том же порядке и переводе, что и Печская рукопись №92. Чудовская рукопись была кратко упомянута П.Н.Петровым как список творений Феодора Студита и отнесена им к XV-XVI вв. [24:167]; Т.Н.Протасьева уточнила датировку по водяным знакам: середина XV в. [25:135]. Иосифо-Волоколамская рукопись состоит из двух частей, причём поучения Феодора Студита составляют вторую её часть, но первый лист этой части с заглавием утрачен, и поэтому в имеющихся описаниях авторство поучений не отмечено, они упомянуты как безымянные [31:133-134; 14:263-269; 28:137]. Авторство Феодора Студита и идентификация поучений данной рукописи установлены нами в статье [15]. Отметим, что оглашения Феодора Студита упоминаются в описях книг Иосифо-Волоколамского монастыря, составленных в XVI в. [18:30, 81]. Рукопись относится к началу XVI в. [28:137].

К сожалению, древний славянский перевод МК не опубликован. Сопоставление списков Печского, Чудовского и Иосифо-Волоколамского (далее Печ., Чуд. и И.-В.) представляет большой интерес. Правописание Печ. является типично сербским: отсутствие юсов (на месте этимологического **ж** – **оу**, на месте **а** – **е**), **ь** на месте **ѣ** и **ѥ**. В Чуд. графика и орфография соответствуют старорусским нормам, ещё не отражающим второго южнославянского влияния: отсутствие **ж**; сокращение [и] до [і] перед гласными (на письме **ѣ**); **у**, а не **оу** в середине и в конце слов; восточнославянская рефлексация сочетаний редуцированных с плавными; написание **ѣ** после заднеязычных. В И.-В. уже полностью представлены особенности второго южнославянского влияния (однако в болгарском варианте, о чём ниже); частое использование юса большого (в том числе неэтимологического), **ука** и **і**, отсутствие йотации перед [а] после гласных; **оу** в середине слов; написание **ѣ** и **ѥ** после плавных между согласными.

Покажем это на примере поучений МК 24 и 25.

Печ., лл. 1-3	Чуд., лл. 2-6 об.	И.-В., лл. 243-247
неразоумик	неразумье	неразѣмїе
въ скръбехъ	въ скорбе (х)	въ скръбе (х)
въ кык	в кѣѣ	в кыа
моука	мука	моука
погыбло	погибло	погыбло
дръжава	държава	дръжава
соуть си	суть си	сѣ(т) сїа
братїе	братѣѣ	братїе
сыгрѣшающемъ	сгрѣшающемъ	сыгрѣшающемъ
възоупиеть	взопиесть	възопїеть
зачела	зачала	зачѣла
питїе	питье	питїе

паки	паки	паки
моіа	моіа	моіа
приѣт ме	приіа(т) ма	пріат ма

Графико-орфографические различия между Чуд. (середина XV в.) и И.-В. (начало XVI в.), как видим, очень значительны и наглядно явствуют из приведенных примеров.

Отметим, что в Чуд. и И.-В. имеются следы сербского происхождения их образца, восходящие, по-видимому, к первоначальному переводу типа Хиландарского списка (далее Хил.). Так, в МК 91 читаем в Чуд. иже ждѹ(т). в И.-В. иже ж(д)ѹть. а в Хил. находим здесь и жеж(д)оуть (т.е. и жаждоуть – греч. διψωεσι) с обычной сербской заменой **а** через **е**, что было неправильно понято старорусским писцом. В МК 63 в И.-В. написано препети. что соответствует сербскому прѣпети. как в Хил., а в Чуд. здесь читаем этимологически правильное препати (греч. συμπодиζειν).

В МК 37 в Хил. нь мльчеще. где нь в одноеровом сербском правописании передаёт нь, т.е. но, а в И.-В. написано не (ь понят как обозначение **е**). Эти случаи, хотя и редкие, очень показательны, т.к. бесспорно свидетельствуют о сербском прототипе старорусских списков.

Интересно, что в списке Чуд. на некоторых листах произведена киноварная правка по черком конца XVI в., заменяющая восточнославянские написания южнославянскими. Так, в МК 68 (лл. 84 об.-85 об.) находим следующие замены: вместо наслажаемса – наслаж(д)а-емса, зблѹсти – сблѹсти, преже – прежде, блг(с)влнью б(ж)ью – блг(с)лвенію б(ж)ю, здѣвае(т) – сдѣвае(т), понужае(м) – понуж(да)е(м), цр(с)тво – цр(с)твіе. Это почти во всех случаях совпадает с написанием данных слов в И.-В.

Таким образом, сопоставление старорусских рукописей Чуд. и И.-В. между собою и с сербскими списками перевода МК наглядно показывает, что в списке середины XV в. (Чуд.) нет отражения южнославянских графико-орфографических особенностей, хотя там содержится текст сербского происхождения, а список начала XVI в. (И.-В.) и редакционная правка в Чуд. в полной мере отражают эти особенности. Отметим, однако, что в И.-В. представлены черты не рашской (сербской), а тырновской (болгарской) орфографической школы, что характерно для 2-го южнославянского влияния (перечисление таких черт дано, например, в книге Р.Павловой [23:62-63]). Конкретные исследования свидетельствуют, что первые проявления второго южнославянского влияния наблюдаются в рукописях, содержащих аскетические сочинения [5а:78], написанных старорусскими писцами непосредственно в Константинополе и на Афоне, в текстах, впервые приходивших на Русь от южных славян, и что старорусские книжники ориентировались на правописание среднеболгарских, а не сербских рукописных книг [5б:41,44]. Исследователям известно, что рукописи сербского происхождения по изводу и правописанию часто оказываются болгарскими [4:181]. М.Н.Сперанский, отмечая, что русские памятники письменности, восходящие к южнославянским оригиналам, отдают предпочтение болгарскому изводу перед сербским, объяснял это тем, что сербская литература XIII-XIV вв. продолжала болгарские традиции, и подчёркивал, что значительное количество сербских текстов XIII-XIV вв. обнаруживает следы перехода из болгарской среды [29:13-14]. На Русь приходили, таким образом, и болгаро-сербские списки [23:61]. Сербская орфография испытала влияние болгарской [17:22; 19:134], однако сохраняла свои весьма специфические особенности и никогда не совпадала с болгарской полностью. Тем показательнее графико-орфографический облик как Чуд., так и И.-В.: эти списки свидетельствуют, что старорусские писцы обладали прочными правописными навыками и могли передавать переписываемый текст в соответствии с нормами своего времени, а не слепо копировали его.

Хронология Чуд. и И.-В., на наш взгляд, подтверждает мысль Л.П.Жуковской о более позднем, чем считал А.И.Соболевский, начале так называемого «второго южнославянского влияния» на старорусскую письменность. Считаем целесообразным, как предлагают неко-

торые исследователи, называть этот его аспект «вторым южнославянским графико-орфографическим влиянием» [6:249-252] и, таким образом, терминологически расчленить это сложное, многоаспектное явление, требующее дальнейшего конкретного изучения на основе тщательного исследования текстов.

1. Богдановић Д. Историја старе српске књижевности.-Београд, 1980.
2. Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара.-Београд, 1978.
3. Богдановић Д., Џурић В., Медаковић Д. Хиландар.-Београд, 1978.
4. Вздорнов Г.И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV-XV вв.//ТОДРЛ.-1968.-23.
5. Вуксан Д. Рукописи манастира Пећке патријаршије//Зборник за историју Јужне Србије и суседних области.-Скопље, 1936.-Књ. I томе.
- 5а. Гальченко М.Г. Датированные новгородские рукописи конца XIV-первой половины XV в. и проблема второго южнославянского влияния//Славяноведение.-1996.-№1.
- 5б. Гальченко М.Г., Яценко А.Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсеваем-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии)//Вопросы языкознания.-1997.-№1.
6. Гнатенко Л.А. До історії вивчення т.зв. другого південнослов'янського графіко-орфографічного впливу//Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI-XVIII століть.-К., 1995.-Вип. 2.
7. Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества//ТОДРЛ.-1963.-19.
8. Жуковская Л.П. О втором южнославянском влиянии//Die Slawischen Sprachen.-Salzburg, 1982.-Bd.2.
9. Жуковская Л.П. О южнославянском влиянии XIV-XV вв. На материале проложного Жития Евгении. // Язык и письменность среднеболгарского периода.-М., 1982.
10. Жуковская Л.П. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность. Житие Анисы по спискам 1282-1632 гг.//История русского языка. Исследования и тексты.-М., 1982.
11. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV- 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние»)//Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому.-М., 1987.
12. Иванова К. Значението на хиландарските ръкописи за изучаването на средновековната българска книжнина//Кирило-Методиевски студии.-София, 1986.-Кн.3.
13. Иванова-Мирчева Д. [Выступление в дискуссии]/IXМеждународный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Материалы дискуссии. Языкознание.-К., 1986.
14. Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии.-М., 1882.
15. Ищенко Д.С. Славянские переводы Малого катехизиса Феодора Студита в Отделе рукописей ГБЛ//Записки Отдела рукописей ГБЛ.-1978.-№39.
16. Ищенко Д.С. Хиландарский список славянского перевода поучений Феодора Студита // Советское славяноведение.-1980.-№4.
17. Јовановић Г. Језичка норма у српскословенској писмености//Научни састанак слависта у Вукове дане.-Београд, 1996. -25/2.
18. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности.-Л., 1991.
19. Маројевић Р. Мркаљ, Вук и Његош – три темља српског књижевног језика//Научни састанак слависта у Вукове дане.-Београд, 1996. -25/2.
20. Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XV вв.//ТОДРЛ.-1963.-19.
21. Мошин В. Рукописи Пећке патријаршије//Старине Косова и Метохије.-Приштина, 1968-1971. – Књ. IV-V.
22. Наумов Е.П. Из истории русско-сербских средневековых связей (второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого)//Учёные записки Института славяноведения АН СССР.-М., 1963.-Т.26.
23. Павлова Р. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи.-София, 1979.
- 23а. Павлова Р. Староруските писмени паметници за историјата на българския език//Български език.-1980.-Кн.4.
24. Петров П.Н. Книгохранилище Чудова монастыря//Памятники древней письменности.-СПб., 1879.-Вып. 4.
25. Протасьева Т.Н. Описание рукописей Чудовского собрания.-Новосибирск, 1980.
26. Радојичић Џ.Сп. Јужнословенско-руске културне везе до почетка XVIII века//Зборник Матице Српске за књижевност и језик.-1965.-Књ. XIII.-Св. 2.
27. Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках.-СПб., 1894.

ФОНЕМА • PHONEMA

28. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Фонд №113. Дополнительная опись к печатному описанию иером. Иосифа.-М.,1972 (машинопись).

29. Сперанский М.Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур: Русские памятники письменности на юге славянства//М.Н.Сперанский Из истории русско-славянских литературных связей.-М., 1960.

30. Станковић Р. Извештај са служебног пута у Пећку патријаршију//Археографски прилози.-Београд,1981.-3.

31. Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина Сторожевского и Пафнутиева Боровского.-СПб., 1891.

32. Турилов А.А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV-XVII веков: По материалам древнерусской библиографии//Советское славяноведение.-1977.-№1.

33. Харлампович В. Несколько замечаний о древнесербской литературе и о взаимном влиянии литератур сербской, болгарской и русской//Вестник славянства.-К., 1894.-Кн. 9.

34. Ягич В. История сербско-хорватской литературы. Древний период. – Казань, 1871.

35. Яцимирский А.И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе//Известия ОРЯС.-СПб., 1902.-Т.7.-Кн.1.

36. Auvray E. Sancti patris nostri et confessoris Theodori, studitis praepositae Parva catechesis.-Parisiis,1891.

37. Novae patrum bibliothecae.-Roma,1888.-Т. 9.

38. Tachiaos A.-E. Mount Athos and the Slavic Literatures//Cyrillomethodianum.-Thessalonique,1977.-4.